

МЕХАНИЗМЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА УСТОЙЧИВОСТИ МОСКОВСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА (2010–2021 ГГ.)

Аннотация

В статье анализируются механизмы воспроизводства устойчивости московского городского политического режима в 2010–2021 гг. Исследование опирается на политико-режимную методологическую базу и теорию городских политических режимов и рассматривает устойчивость через три критерия: воспроизводимость коалиционной конфигурации власти, управляемость городской повесткой и контроль правящей коалиции над ключевыми ресурсами. На материале московского кейса показано, что устойчивость городского политического режима обеспечивалась сочетанием мэрия-центричной коалиции, контролируемых каналов участия, деполитизации конфликтов и высокой ресурсной концентрации.

Делается вывод о том, что московский городской политический режим в исследуемый период сохранял достаточно высокий уровень устойчивости, несмотря на отдельные кризисные эпизоды.

Изучение городского пространства в современной российской политической науке представляется перспективным направлением по

нескольким причинам. Сама точка зрения, представляющая город как зону реализации особых политико-управленческих практик и стол-

ЧЕРГЕЙКО Георгий Михайлович – аспирант Государственного академического университета гуманитарных наук, Россия, Москва, e-mail: 5015050@mail.ru, SPIN-код: 2107-1805

Ключевые слова: устойчивость политического режима, городское управление, городской политический режим, Москва

https://doi.org/10.48137/23116412_2026_2_43

кновения интересов дифференцированных групп акторов, по-новому переосмысливается в современной политической науке. Также ключевой в анализе является российская режимная рамка, которая, воздействует на понимание городского политического режима в изучаемом контексте. В условиях сложившейся режимной консолидации анализ субнационального политического режима требует обращения к акторно-институциональной логике, учитывающей роль неформальных практик, девальвацию формальных правил игры, асимметричные политические отношения и влияние вертикали власти [1, сс. 78–80]. Именно поэтому, ставя целью выявить различные механизмы воспроизводства устойчивости городского политического режима Москвы за 2010–2021 гг., теория городских политических режимов позволит рассмотреть город сквозь призму реальных политических практик, неформальных механизмов согласования интересов акторов и распределения ресурсов, нежели формально-институциональный анализ архитектуры городской власти.

Стоит акцентировать внимание на том, что понимается под городским политическим режимом. Как указывал К. Стоун, городской режим можно описать как «неформальные механизмы (договоренности) совместного действия публичных структур и частных интересов, которые позволяют принимать и реализовывать управленческие решения» [2, р. 6]. Понимание город-

ского политического режима в данном ключе основывается на уже возникшей коалиции между публичными и частными акторами, связывается с устойчивостью режима (способностью разрешать конфликты и адаптироваться к изменяющимся социально-экономическим и политическим условиям) [2, pp. 6–7]. Коалиционность в данном ключе выступает скорее не целью, а средством и механизмом для реализации политико-экономического курса, что подразумевает наличие относительной автономии нескольких ресурсных центров и необходимости их согласования в процессе управления городом. Ввиду того, что ресурсы в значительной мере фрагментированы, акторы (группы акторов) рассеяны по диверсифицированным секторам городской системы. Понимание К. Стоуна здесь важно, как точка отсчета для выработки понимания каким образом городской политический режим реализует себя в условиях снижения автономии городских политико-экономических групп и возрастания вертикальных зависимостей. В российской политической науке категория локального политического режима выполняет схожую аналитическую функцию, позволяя анализировать субнациональный уровень власти через устойчивые конфигурации акторов, способных выработать автономный управленческий курс. В данном контексте стоит обратить внимание на взгляд В.Я. Гельмана и С.И. Рыженкова, где автономность устойчивых группировок ак-

торов и их способность самостоятельно принимать политико-управленческие решения в условиях вертикали власти, вырабатывать местный политический курс на уровне отдельной территориальной единицы выступает главным признаком наличия в ней локального политического режима [3, с. 131]. Более того, В.Г. Ледаев указывает на особые характеристики правящей коалиции – кросс-секторальность и сравнительная устойчивость в принятии политических решений [4, с. 48]. Это справедливо, так как если бы решения принимались моноцентрично, то речь бы шла скорее об административной иерархической системе, где необходимое для обозначенной ранее аналитической рамки согласование дифференцированных интересов не являлось бы условием выработки и реализации курса на уровне отдельной территориальной единицы. Так, в статье под городским политическим режимом будет пониматься устойчивая конфигурация формальных и неформальных отношений между ключевыми городскими акторами, обеспечивающая координацию ресурсных потоков и принятие управленческих решений относительно автономно в условиях вертикальных властных отношений.

В данном ключе важно уточнить, что представляет собой устойчивость подобного политического режима. Прежде всего важно развести понятия стабильности и устойчивости, на что указывали Х. А. Гаджиев и А. С. Семченков: «Если стабиль-

ность – это состояние политической системы, то устойчивость – ее способности и возможности» [5, с. 163]. Это различие принципиально для настоящего исследования, поскольку выявляет интегральные характеристики режима, а не фиксирует его статичное состояние. Необходимо подчеркнуть, что речь идет не о степени долговечности существования политической системы в неизменном виде, а скорее о том, как при этом сохраняется базовая конфигурация власти, координация и управление при периодически возникающих турбулентностях, а также способность режима мобилизовать необходимые ресурсы для устранения и предупреждения дестабилизации [5, с. 170]. Устойчивость в этом смысле выступает как динамическая характеристика сложившейся политической системы. Стоит отметить, что теоретическая рамка, предложенная авторами, ориентируется на государство-ориентированный подход, что во многом ограничивает эксплицитное взаимодействие методологической рамки. Именно поэтому в статье предложено понимание устойчивости, основанное на способности городского политического режима эффективно реагировать на кризисы, не утрачивая существенных характеристик системы. Исходя из вышесказанного, логичен выход на критерии устойчивости: а) способность сохранять воспроизводимость коалиционной конфигурации власти; б) способность удерживать управляемость городской повесткой; в) обла-

дание контролем над ключевыми ресурсами правящей коалицией.

При переходе от общей теоретической рамки к эмпирическому кейсу необходимо обосновать, почему исследовательский фокус сосредоточен на Москве и периоде с 2010 г. по 2021 г. Москва представляет собой крупнейший российский мегаполис¹, город-регион и агломерацию ввиду активно происходящих процессов субурбанизации [6, с. 131]. Статус столицы и города федерального значения², высокая концентрация административных, финансовых и символических ресурсов делают Москву интересной для изучения не только с социально-экономической, но и политической точки зрения. Кроме того, именно на примере данного кейса можно наиболее явно проследить эффективность механизмов воспроизводства устойчивости городского политического режима в 2010–2021 гг.: от реконфигурации властных коалиций в 2010 г. и дестабилизационных процессов (протестное движение и электоральный кризис 2019 г.) до пандемийного управления 2020–2021 гг.

Исходя из предложенного понимания устойчивости, анализ мо-

сковского кейса целесообразно строить через три взаимосвязанных измерения. Насколько городскому политическому режиму Москвы удастся воспроизводить коалиционную конфигурацию власти, т. е. сохраняются ли условия для выработки и реализации единого политико-экономического курса, возникают ли внутри системы иные акторы, способные оспорить доминирующую конфигурацию, характер ротации элит. В этом отношении принципиальное значение имеет факт утверждения на должность мэра С.С. Собянина в 2010 г. после публичного конфликта³ бывшего Президента РФ Д. А. Медведева с Ю. М. Лужковым⁴, который занимал должность мэра Москвы в 1992–2010 гг. В данном контексте 2010 г. можно трактовать как начало новой политико-режимной структуры, которая стала складываться как назначенческая и только в 2013 г. будет пройдена электоральная легитимация сложившейся системы.

После назначения С. С. Собянин запустил процесс ротации элит, включая в состав новой коалиции членов своей команды, федеральных акторов и предпринимателей. Сложившаяся коалиция не просто

¹ Численность постоянного населения Российской Федерации по муниципальным образованиям на 1 января 2025 года // https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/%D0%A1his1_MO_01-01-2025.xlsx (дата обращения: 26.02.2026).

² Закон города Москвы от 28.06.1995 «Устав города Москвы» (с изменениями на 25 декабря 2024 года) // https://www.mos.ru/upload/documents/files/1858/Zakonot28_06_1995YstavgorodaMoskvi.pdf (дата обращения: 26.02.2026).

³ Медведев уволил мэра Лужкова, «Единая Россия» согласна с президентом // <https://ria.ru/20100928/280006134.html> (дата обращения: 26.02.2026).

⁴ Указ Президента Российской Федерации «О досрочном прекращении полномочий мэра Москвы» от 29.09.2010 // Российская газета. 2010 г. № 219(5298).

сохранилась к 2013 г., но и адаптировала способы собственной электоральной репродукции: по результатам досрочных выборов 2013 г. С. С. Собянин набрал 51,37 % голосов. Это демонстрирует, что на данном этапе воспроизводство коалиции обеспечивалось не только административным доминированием, но и ограниченно-конкурентной электоральной моделью, в рамках которой режим смог допустить наличие альтернативного актора. Однако, это не ставило под вопрос общий контроль исполнительного центра над городской политикой.

В 2018 г. С. С. Собянин вновь займет лидирующую позицию (70,14 % голосов), но сам характер системы существенно изменится: на выборах снизится число независимых наблюдателей, кампания будет проходить в условиях низкой конкурентности, а новой технологией повышения явки станет организация дачных участков для голосования⁵. Если в 2013 г. легитимация новой коалиции строилась на ограниченной конкурентности, то в 2018 г. она приобрела характер управляемого плебисцитарного подтверждения доминирующей конфигурации власти.

Другим важным этапом стали выборы в Московскую городскую Думу 2019 г., который сопровождался политической дестабилизацией на фоне протестной активности ввиду недопуска независимых кандидатов на выборы⁶. Несмотря на протестную активность, по итогам выборов в Мосгордуму поддержанные мэрией кандидаты сохранили 25 из 45 мандатов, тогда как оппозиционные кандидаты получили 20 мест⁷. Иначе говоря, режим понес имиджевые и электоральные потери, но при этом не утратил институционального контроля над городской политикой. Этот факт важен для оценки устойчивости: она проявилась в способности сложившейся конфигурации власти выдержать частичный сбой механизма политического допуска без распада доминирующей системы распределения властных позиций. Таким образом, в 2010–2021 гг. московский политический режим демонстрировал высокую способность к воспроизводству коалиционной конфигурации власти, сохраняя при этом динамичный характер изменений.

При анализе способности управлять городской повесткой необходимо указать, что под этим подраз-

⁵ Антонова Е., Линделл Д. Без конкуренции и наблюдателей: как прошли выборы в Москве и Подмоскowie // <https://www.rbc.ru/politics/10/09/2018/5b95f36b9a7947f24030d387> (дата обращения: 26.02.2026).

⁶ Кузнецова Е., Сироткин К., Дергачев В. Акция «за честные выборы» в Москве. Главное // <https://www.rbc.ru/politics/27/07/2019/5d3c8a7c9a7947630f84424a> (дата обращения: 26.02.2026).

⁷ Дергачев В. Кандидаты от оппозиции победили в 20 из 45 округов Москвы. Как оппозиционеры распорядятся своими мандатами и найдет ли мэрия с ними общий язык // <https://www.rbc.ru/politics/09/09/2019/5d75df619a7947058f3e5c73> (дата обращения: 26.02.2026).

умеается. Речь идет об урегулировании конфликтов и перемещении их в управляемый формат, удержании монополии на публичную и символическую интерпретации политической действительности, а также ввод управляемых каналов участия. Для демонстрации теоретической значимости данных механизмов выступает эмпирический пример цифровой канализации участия в Москве с помощью электронных платформ, например – «Активный гражданин». Стоит обозначить, что изначально проект не подразумевал обсуждения принятых Правительством Москвы решений, а лишь задавал определенный перечень новых социально-значимых инициатив мэрии и выносил их на голосование [7, с. 55]. Например, при вновь развернувшейся общественной дискуссии о переименовании станции метро «Войковская» в 2015 г., было принято решение перевести голосование в электронный формат на платформе «Активный гражданин». По итогам опроса 53% участников высказались против переименования⁸. При этом мэрия активно подчеркивала прозрачность и верифицируемость процедуры⁹. В данном контексте стоит отметить, что городской политический режим Москвы не допустил превращения вопроса с высо-

ким символическим потенциалом в политический конфликт, а перевел обсуждение в формат управляемой цифровой процедуры. К концу 2021 г. число участников проекта превысило 5,7 млн чел.¹⁰, что демонстрирует социальную значимость данного цифрового пространства. Однако, О. В. Ерохина отмечает, что несмотря на то, что проект является наиболее успешным российским кейсом цифрового участия, платформа не предоставляет возможностей для вынесения обществом собственных предложений по социально-значимым вопросам общегородского характера, что скорее снижает конкурентность в формировании социально-политической повестки [7, с. 57]. В этом смысле, платформу «Активный гражданин» можно интерпретировать как механизм канализации общественных запросов, где участие экстенсивно расширяется, однако остается институционально встроенным в логику политико-экономического курса, проводимого политическими элитами.

В дополнении к рассмотренному кейсу стоит обратиться к управленческой стратегии московской мэрии в период пандемии COVID-19 в 2020–2021 гг. Особенно наглядно прослеживается, как публичная повестка была переформирована и

⁸ Москвичи проголосовали против переименования «Войковской» // <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/56523cfa9a79479ba4837e2c> (дата обращения: 28.02.2026).

⁹ Правительство Москвы предлагает горожанам проверить итоги голосования на «Активном гражданине» // <https://www.mos.ru/ggi/documents/arkhiv-novostei/view/137358220/> (дата обращения: 28.02.2026).

¹⁰ Голосования, марафоны, обновления: «Активный гражданин» подвел итоги года // <https://www.mos.ru/news/item/101040073/> (дата обращения: 28.02.2026).

унифицирована в кратчайшие сроки. В частности, ввиду режима повышенной готовности¹¹ была введена система цифровых пропусков (QR-кодов), усилена надзорная функция за нарушителями режима карантина с помощью системы камер видеонаблюдения [8, с. 28]. В политико-режимном измерении это демонстрирует способность правящей коалиции выработать единый политический курс, предопределить вопросы мобильности, труда, доступа к услугам и даже повседневного перемещения, для эффективной реакции на кризис. Таким образом, московский политический режим в 2010–2021 гг. в целом сохранял высокую способность управления городской повесткой, что выразилось в создании контролируемых каналов политического участия, секьюритизации и правового администрирования при ответе на вызовы; режим, как правило, восстанавливал контроль над повесткой, меняя не только сами практики реализации власти, но и символический формат управления конфликтами.

Наконец, обладание контролем над ключевыми ресурсами правящей коалицией подразумевает ответ на вопрос: сохраняется ли асимметрия доступа к ресурсным потокам между правящей группой и иными акторами, не включенными в нее. Речь идет не только о финансовых возможностях городской

коалиции, но и об административных, нормативных и цифровых ресурсах, которые могут быть мобилизованы для реализации решений, нейтрализации кризисных ситуаций и поддержания ресурсной асимметрии (о чем было упомянуто выше в кейсе управления в период пандемии). В московском случае такая асимметрия наиболее ярко выражена: в 2021 г. в бюджет Москвы поступило 3,3 трлн руб., а расходы составили 3,4 трлн руб.¹², что свидетельствует о масштабе распределительных возможностей городского политического режима. Характер основных трат выражен в формах реализации программ государственно-частного партнерства и проектов социальной направленности. Такой объем ресурсной базы создает для правящей коалиции не только управленческое, но и политическое преимущество, позволяя поддерживать высокий уровень административной емкости и компенсировать кризисные издержки.

Проведенный анализ показывает, что в 2010–2021 гг. московский городской политический режим в целом сохранял высокий уровень устойчивости, что было продемонстрировано на различных кейсах. При анализе политико-режимной устойчивости по четырем критериям В. О. Кроткова [9, с. 7], вывод был бы достаточно близкий. Выяв-

¹¹ Указ Мэра Москвы от 05.03. 2020 N 12-УМ «О введении режима повышенной готовности» (с изменениями на 15 марта 2023 года) // <https://docs.cntd.ru/document/564377628#7DS0KA> (дата обращения: 01.03.2026).

¹² Принят закон города Москвы «Об исполнении бюджета города Москвы за 2021 год» // <https://budget.mos.ru/news/8274> (дата обращения: 03.03.2026).

ленная устойчивость обеспечивалась, во-первых, способностью воспроизводить доминирующую коалиционную конфигурацию власти; во-вторых, способностью удерживать управляемость городской повестки через деполитизацию конфликтов, контролируемые каналы

участия; в-третьих, сохранением асимметричного контроля правящей коалиции над ключевыми ресурсами. В совокупности это позволяет характеризовать московский городской политический режим исследуемого периода как адаптивный и воспроизводимый.

Список литературы

1. Тимофеев С. С. Теоретические и практические аспекты эффективности региональной legislatures (кейс Красноярского края) // Постсоветский материк. 2025. № 1 (45). С. 76-86. DOI: 10.48137/23116412_2025_1_77.
2. Stone C. N. Regime politics: Governing Atlanta, 1946-1988. University Press of Kansas. 1989.
3. Гельман В. Я., Рыженков С. И. Локальные режимы, городское управление и «вертикаль власти» в современной России // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2010. Т. 6. № 4. С. 130-151.
4. Ледяев В. Г. Социология власти: теория городских политических режимов // Социологический журнал. 2006. № 3-4. С. 46-68.
5. Гаджиев Х. А., Семченков А. С. Индекс устойчивости политической системы: опыт измерений в трех странах // PolitBook. 2020. № 1. С. 161-194.
6. Вершинина И. А., Полякова Н. Л. Москва: столица – глобальный город – агломерация // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2014. № 4. С. 122-137.
7. Ерохина О. В. Цифровые формы политического участия в России (на примере платформы «Активный гражданин») // Власть. 2021. Т. 29, № 6. С. 54-59. DOI: 10.31171/vlast.v29i6.8678.
8. Балаян А. А., Томин Л. В. Политические эффекты цифровой трансформации городского управления (на примере Москвы) // Герценовские чтения: Россия-2021. Актуальные вопросы политического знания: Сборник материалов научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 23 апреля 2021 года / Под общей редакцией Л. А. Гайнутдиновой. Санкт-Петербург: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. 2021. С. 74-81.
9. Кротков В. О. Перспективы изменения авторитарной режимной консолидации в условиях либерализации российской политической системы // Вестник Московского государственного областного университета. 2013. № 2. С. 7.

CHERGEYKO Georgy M. – graduate student at the State Academic University of Humanitie, Russia, Moscow, e-mail: 5015050@mail.ru

Keywords: Sustainability of the political regime, city governance, urban political regime, Moscow

MECHANISMS FOR REPRODUCING THE STABILITY OF THE MOSCOW POLITICAL REGIME (2010-2021)

Abstract

The article analyzes the mechanisms of reproduction of the sustainability of the Moscow urban political regime in 2010–2021. The research is based on the political regime methodological framework and the theory of urban political regimes and examines sustainability through three criteria: reproducibility of the coalition configuration of power, manageability of the urban agenda and control of the ruling coalition over key resources. Based on the Moscow case, it is shown that the stability of the urban political regime was ensured by a combination of a mayoral-centred coalition, controlled channels of participation, depoliticization of conflicts and high resource concentration.

It is concluded that the Moscow city political regime maintained a high level of stability during the period under study, despite some crisis episodes.

References

1. Timofeev S. S. Theoretical and practical aspects of the effectiveness of the regional legislature (case study of the Krasnoyarsk territory). *Post-Soviet Continent*. 2025. No. 1(45). pp. 76-86. DOI: 10.48137/23116412_2025_1_77.
2. Stone C. N. *Regime politics: Governing Atlanta, 1946-1988*. University Press of Kansas. 1989.
3. Gelman V. Ya., Ryzhenkov S. I. Local regimes, urban governance and the “vertical of power” in modern Russia // *Political expertise: POLITEX*. 2010. Vol. 6, No. 4. pp. 130-151.

4. Ledyayev V. G. Sociology of power: theory of urban political regimes // Sociological Journal. 2006. No. 3-4. pp. 46-68.
5. Gadzhiev H. A., Semchenkov A. S. The index of stability of the political system: measurement experience in three countries // PolitBook. 2020. No. 1. pp. 161-194.
6. Vershinina I. A., Polyakova N. L. Moscow: the capital is a global agglomeration city // Bulletin of the Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science. 2014. No. 4. pp. 122-137.
7. Erokhina O. V. Digital forms of political participation in Russia (using the example of the Active Citizen platform) // Vlast. 2021. Vol. 29, No. 6. pp. 54-59. DOI: 10.31171/vlast.v29i6.8678.
8. Balayan A. A., Tomin L. V. The political effects of the digital transformation of urban governance (on the example of Moscow) // Herzen Readings: Russia-2021. Current issues of political knowledge: Proceedings of the Scientific and practical conference, St. Petersburg, April 23, 2021 / Edited by L. A. Gainutdinova. Saint Petersburg: A. I. Herzen Russian State Pedagogical University. 2021. pp. 74-81.
9. Krotkov V. O. Prospects for changing authoritarian regime consolidation in the context of liberalization of the Russian political system // Bulletin of the Moscow State Regional University. 2013. No. 2. p. 7.

Статья поступила в редакцию 10.04.2026.

Принята к публикации 11.05.2026.